Г. С. Вртанесян

ОРОКИ ИЛИ УЛЬТА: ЗАМЕТКИ К ЭТНОНИМУ И ЭТНОГЕНЕЗУ

Посвящаю работу светлой памяти коллеги и друга
Алексея Алексеевича Бурькина.

Ороки — жители Сахалина, говорящие на одном из тунгусо-маньчжурских языков (южная группа), близкого к ульческому и нанайскому. Не позднее конца XVII века они заселили Сахалин, практикуя транспортное оленеводство, в сочетании с охотой, рыболовством и добычей морского зверя. Цель работы, — анализ некоторых фактов, оказавшихся вне поля зрения предшественников. Это особый счет возраста оленей, который сближает их с восточными эвенками, структура календаря, имеющая аналогии с календарями амурских эвенков (название января), и с календарями орочей, ульчей и негидальцев (названия летних месяцев). Мозаичность ороков (субэтноты), наряду с особенностями природных условий острова и длительной изоляцией, обеспечили своеобразие космогонических представлений, пантеона, базовых ритуалов (летний медвежий праздник и др.). Выявлено существование названия северного оленя, в форме (ы,у,и)л(в/б)(э/е)л у коряков, юкагиров, чукчей, алеутов, чуванцев, северных хантов, тундровых ненцев с неизвестной этимологией (кроме ненецкого тундрового *илебць* — средство к жизни). Орокское название дикого оленя *сиро* можно связать с подготовкой к гону (обдирка рогов *сирки* / *ситчи*) взрослых самцов дикого оленя. Название домашнего оленя (*ула/я*) у ороков, ранее возводимое к понятию река (*ул* / *уил*), близко к алеутскому *улинах*, северохантыйскому *ули* и *иле* в тундровом диалекте юкагирского, могло быть заимствовано пра — «ороками» напрямую, или через промежуточную контактную группу, на Саяно-Алтае, или в процессе миграции на восток. Данные популяционной генетики, роднят их с этносами Саяно-Алтая (тувинцы-тоджинцы, тофалары и др.) практикующих до сих пор охоту, собирательство и кочевое транспортное оленеводство. Примерно близкий (и невысокий 11,5–17,4 %), уровень частотности «тунгусской» гаплогруппы С, у ороков, ульчей, удэгейцев, негидальцев, указывает, по-видимому, на малое участие эвенкиек в формировании мтДНК ороков (женский генофонд).

Ключевые слова: *ороки, этногенез, Сахалин, северный олень, Саяно-Алтай, чуванцы, эвенки, «олений» счет, мтДНК.*

Предмет исследования, — некоторые вопросы этногенеза, этнонима ороков, говорящих на одном из южно-тунгусских, к сожалению, исчезающем языке. Число работ, посвященных этногенезу и экзоэтнонимам ороков перевалило за сотню давно, но до сих пор нет по ним единого мнения. Наиболее полный список экзоэтнонимов есть в (Миссонова, 1996: 53). Подробный обзор работ по вопросам этногенеза и этимологии этнонимов ороков есть в монографии А. Ф. Старцева (2015: 99–131), и рецензии на неё А. А. Бурькина (2016: 269–278), которые и рекомендуются читателю.

Цель работы — привлечь внимание к некоторым аспектам проблемы, выпавших из поля зрения исследователей.

Лексика. Наиболее употребительные (и дискуссионные) названия — *орок* и *ульта* (с вариациями). Близкая огласовка самоназвания (*ольча, ульча, ульта, уильта, уйльта*, — при допустимых метатезах у > о или т > ч), давали возможность считать их одной этнической группой. В свою очередь название домашнего оленя *ул(я/а)* у ороков давало «весомую» опору для принятия этнонима (оленные). Предложенная связь этнонима *ульта* / *уйльта* с *ул* — *уил* (река) (ССТМЯ II: 260), плюс суффикс принадлежности (-та) (обзор работ см. в (Старцев, 2015: 144)), раскрывалась, как «жители верховий рек». В какой-то мере это соотносилось с реалиями, выбор кочевыми таежными оленеводами, в первую очередь, водоразделов (то есть возвышенностей, гор и верховий рек, т. н. южный вариант таежного оленеводства эвенкийского типа) (Василевич, 1972: 192–194).

По А. А. Бурыкину этимология *ульча*, — возводимое к корню *река (уль-)* неверна, более вероятно соотнесение его с *ула* — намочить, смочить, сырой, влажный (ССТМЯ, II: 258). По мнению Бурыкина А. А. возведение формы *ольча* к форме *ол-* (рыба) мало вероятно, так как в языках Приамурья корень со значением рыба представлен более древней формой **хол*. Нельзя также возвести *уилта / улта* к названию домашнего оленя *улā*, т. к. частица *-та* не объяснима. Кроме того, Бурыкин А. А. полагал, что суффикс *-ча*, не оформляет названия жителей местности (Бурыкин, 2016: 273). Певнов А.М. самоназвание *уилта* — *улта* возводил к **улинтан < *улинчан < *улинкан* — поречанин (Певнов, 2017: 887, 888).

Анализ этнонимов *орок / ороchon*, *ульта / ульча* (Ю. Янхунен) показал, что нивхский термин **urangata*, — источник этнонима, можно возвести к гипотетической общетунгусской форме **urangka-ta*, которая в форме *ornger /-arh* стало у нивхов названием тунгусоязычных групп мигрантов с запада «*уряныхайцы*». Не исключалось, что средневековое население Сахалина, могло быть генетически связано не только с маньчжурами, но и алеутами («берингские связи»). *Ороchon*, как название некоторых групп эвенков, связывалось с местностью (*оро*), но не с оленеводством. Этноним «орок», по-видимому, предшествовал принятию оленеводства, этой группой населения (Янхунен, 2018: 12–19). Выводы: нет общего мнения о происхождении терминов *орок*, *ульта* (с вариациями), можно лишь полагать, что они не связаны с названием домашнего оленя *улā (ульта)*, и мало вероятна прямая связь термина *орок* с оленеводством.

Орокский язык имеет южнотунгусскую основу, грамматика, лексика и фонетика сходны с нанайской и ульчской. Нивхские заимствования ожидаемы, так как последний на Сахалине был языком межнационального общения (Бурыкин, 2016: 276; Певнов, 2017: 886). Бытовая лексика ороков (жилище, одежда, обувь, транспорт) близка ульчской и другим языкам Нижнего Приамурья. Морская и материковая охотничья и рыболовная лексика ближе к негидальской (Смоляк, 1975: 52–53,62). Отмечено сходство орокского оленеводства с алдано-зейско-амгунским (Василевич, Левин, 1951: 85) или алдано-аянским (Смоляк, 1965: 30–32). Термины половозрастной маркировки (ПВМ) домашних оленей, близки к эвенкийским (ССТМЯ I: 110, 111, 130, 301, 641). В отличие от остальных тунгусо-маньчжурских языков название единицы, — *г(и/е)да* (Озолиня, 2013: 219). Это обстоятельство важно в связи с тем, что счету до десяти, детей обычно учат матери. А это значит, что с материнской стороны орокский язык, по-видимому, доминировал, даже, если невесты были из других этнических групп.

Представляются наиболее важными следующие выводы. Ороки не были однородной этнической группой, являясь конгломератом «нескольких тунгусских групп, переселившихся на остров из бассейна Нижнего Амура» (Таксами, 1968: 35; Смоляк, 1954: 33–38; 1975: 63–68) имевших разные этнонимы. При этом каждая группа в составе ороков особо выделялась: *олча* — негидальцы, *улча (ульчи)* в составе ороков, *улта* — самоназвание ороков на орокском, *уйлта* — позднейшая форма этнонима (см. напр. в (Бурыкин, 2016: 273)).

После миграции на Сахалин, островитяне не теряли экономических, и других связей с материком, достаточно регулярно пересекая зимой на оленях пролив. Были случаи переселения отдельных родов с острова на материк. В «Предании рода *Бисанка*» (орочи) повествуется о переселении этого рода с острова Сахалин. Именно с этим *орочи* связывают «утрату» письменности: пока сушился промокший багаж, ветер унёс его в море (Аврорин, Лебедева, 1978: 220). С учетом мнений А. А. Бурыкина, А. М. Певнова и Ю. Янхунена (см. выше) этноним *у(и/й)льта*, по-видимому, не являлся ни исконным, ни древнейшим. Добавим, что этимологии названий северного оленя у ороков, ставшие основой тех или иных этнонимов, или вариантов этногенеза ороков, остались не полностью раскрытыми.

С учетом сказанного, предлагается анализ фактов, оставшихся вне поля зрения авторов цитированных работ. Это касается названий северного оленя, особенностей духовной культуры ороков (космогония, календарная лексика). Некоторые из них (особенности обрядов,

орнамент, теонимы и др.) ранее рассматривались, как характерные признаки, для выявления родства ороков с населением Нижнего Амура (Косарев, 2009: 18–19). И, особенно важно, — привлечение данных популяционной генетики как ороков (Бермишева, 2005: 81–82), так и сопредельных народов, и этнических групп (Стариковская, 1999: 69,70; Деренко и др., 2001: 1408; Федорова, 2010: прил. 2, 3).

Время и место. Что касается времени заселения Сахалина ороками, то из европейских, маньчжурских и японских источников, известно, что уже в XVIII в там жили оленеводы *orakat(a)*, — айнское название ороков (Янхунен, 2018: 15). Ороки на Сахалине были не позднее конца XVII в., кочуя между территориями проживания айнов и нивхов (Маевич, 1994: 11), и до сер. XIX в, были на острове единственным тунгусоязычным населением (Шренк, 1883: 21). Эпидемии оспы второй пол. XVII в, на побережье Охотского моря, мобилизация в маньчжурское войско или объясачивание населения (Гурвич, 1966: 39; Старцев, 2015: 66–68) могли стать причиной этой миграции.

Для определения места, откуда ороки начали свое продвижение на Сахалин, выдвигались разные гипотезы. Миссонова Л. И., опираясь на особенности погребения (ногами на запад или юго-запад), указывающее материковую «сторону предков» ороков (Миссонова, 2005: 182), считала их выходцами с р. Амгунь, что по В. Д. Косареву не соответствует реальному её расположению. Он полагал это указанием на юг региона (Амуру-Приморья), сопредельного с Манчжурией («речь может идти о широкой полосе прибрежной зоны от границ с Кореей и озера Ханка к северу, по широте от Японского моря до водоразделов, образуемых хребтом Сихотэ-Алинь») (Косарев, 2009: 20–22). Но не исключено, что ориентация усопших, лишь дань семантике погребального обряда, отражение особенностей сезонного движения солнца, азимутом захода в опорных точках солнечной эклиптики. Ввиду связи возможности возрождения души с сезонными метаморфозами солнца (Вртанесян, Озолия, 2015: 15–22), такая ориентировка могла быть одним из необходимых условий посмертного возрождения. Небесспорен и довод об отсутствии пастбищ и корма для содержания оленей в Нижнем Приамурье, исключающее пребывание там ороков (Косарев, 2009: 20–22). Известно, что без ягеля, основной пищи дикого оленя в зимний сезон, вполне обходятся домашние, переходя весной на труху или сено (Сыроечковский, 1986: 94).

С учетом этнической неоднородности заселяющего остров населения, уместен вопрос, — все ли переселенцы были оленеводами или некоторые стали ими лишь на острове? Если верно первое, ввиду малой мобильности пешего населения, в чем же причина выбора термина *ула/я* для названия домашнего оленя? Было ли оленеводство ороков непрерывным, и менялась ли порода оленя? Южные ороки, оседая в среде нивхов, начиная с конца XIX в, теряли своих оленей, и иногда заводили их снова (Смоляк, 1965: 28–33). Далее, с какими субэтносами в составе ороков, имели дело исследователи? Васильев Б. А. указывал, что северные ороки не разводили упряжных собак, и не ели их (1929: 14–15). Шренк Л. И., называя их «рыбьедами», отмечал их «отвращение к собачатине» (1889: 145–146). А. Ф. Старцев, ссылаясь на (Пилсудский, 1989: 66; Линденау 1983: 59), считал общей чертой быта ороков и эвенов Охотского побережья, ритуальное поедание собачьего мяса (2015: 96).

Одной из причин отказа южных ороков от оленеводства, при переходе на оседлость и совместном проживании с нивхами и айнами (берега залива Терпения и устье р. Поронай), были разводимые теми собаки (Маевич, 1994: 16). Обычно транспортное собаководство и оленеводство плохо совместимы, так как содержание ездовых собак, исключает кочевание, требуя стабильную кормовую базу, обеспечиваемую, морским промыслом и/или рыболовством. Нивхи тратили на прокорм собак примерно треть юколы, заготавливаемой на зиму (Крейнович, 1973: 465). При этом ездовые собаки упомянуты в текстах (*Буктану*, *Дембу*, «Мужичок», «Черти». Ритуальной жертвой собаки, можно было попасть в Верхний мир («Девушка-лягушка», текст № 1, Новикова). Что же касается оленеводства, то в предании «Большой род Ториса, малый род Ториса» (Там же, текст 22) указывается, что на оленях вер-

хом ездили только живущие в тайге, а береговые, ездили на нартах. В тексте «Лисица» (№ 37, архив Л. В. Озолина) лисица «пасет» (караулит) оленей, но делает это очень плохо, все оленидохнут». Об оленях поют в «Песне хороводной», и в ней поющие называют себя *ульта* (архив Л. В. Озолина). Отличительная особенность ороков, — «олений дух», которым они пахнут, текст «*Гэвхату*» (Петрова, 1967: 148–150), — свидетельство восприятия северного оленя, как основы бытия. Образ культурного героя-демиурга *Хадау* был выявлен у северных ороков (Васильев 1929: 20–21), сближая их с другими народами Приморья. Однако упоминаний о *Хадау* нет ни в одном тексте из архивов К. А. Новиковой (1949–1950) и Л. В. Озолина (1986–2000), 54 записи (Институт филологии СО РАН). Приписать это полной утере за 35 лет мифологической традиции мало вероятно, так как ещё в конце XX в информанты вполне внятно рассказывали о деталях медвежьего праздника, повторяя почти дословно тексты вековой давности. Свидетельство давней изоляции ороков, — особенности медвежьего праздника, наряду с зимним, известного у народов Северной Азии, был и летний вариант [Вртанесян, Озолина 2016: 15–22].

Олень и оленеводство. Т. к. северный олень является одним из узлов проблем этногенеза и этнонима, — уместен краткий экскурс в историю оленеводства. Признано существование первичного центра оленеводства на Саяно-Алтае (обзор в (Шнирельман, 1980: 175–189)). Осушение его, с пиком в III в до н. э. (Динесман, Киселева, Князев, 1989: 197–200), привело к исходу на северо-запад оленеводов, говорящих, на самодийских языках. Тунгусоязычные оленеводы начали свои миграции на восток и северо-восток через Забайкалье (Вайнштейн 1971: 51). Мигранты шли по хребтам Становому, Верхоянскому, и дошли до самого северного побережья, а к востоку, — вышли на Сахалин и Камчатку. Оленеводами стали эвены, чуванцы, юкагиры, коряки и чукчи, а затем якуты и долганы (XVII в.) (Помишин, 1990: 127). Если это принять, то наличие общих терминов половозрастной маркировки (ПВМ) самцов домашнего оленя (*амаркан*, *икт(е/э)не*, *неоркан*, *сондо* и др., с вариациями огласовки) у эвенов, негидальцев, ороков, якутов становится понятным [ССТМЯ, I: 36, 301, 641; ССТМЯ, II: 110, 111]. Сходство терминов ПВМ, не случайно, единообразием характеризуется и «материальная часть». Это определенный тип седла (сибирский), посадка на оленя верхом на лопатки (эвены, зейско — амгунские эвенки, негидальцы, ороки), расположение поводка справа и др. В пользу заимствования этой модели оленеводства, указывает и бескровная кастрация, пастьба без собаки и др.) (Василевич, Левин, 1951: 71).

Модели заимствования оленеводства в тайге и тундре были близки, — их добывали захватом у соседей, вступлением в брак и обменом. Это включало передачу и освоение специальных навыков и терминов [Шнирельман, 1980: 182; Помишин, 1990: 86]. История орокского оленеводства, по-видимому, утеряна. Если опираться на размеры (как маркер сходства), то орокские олени, до появления эвенков на Сахалине, по размерам не уступали тофаларским (таежным), и позволяли седлать их как лошадь (тофалары, тувинцы), и использовать стремяна. Но при этом ороки седло укладывали на лопатки и ездили с посохом (как эвенки). Для более мелких особей, седло укладывали седло на лопатки, а бедра седока лежали на вьюках (Вайнштейн, 1971: 44).

Появление эвенков оленеводов на Сахалине в конце XIX в, изменило ситуацию. Т. П. Роон полагала, что орокские олени имели вначале темно-коричневую масть, и лишь с появлением эвенкийских оленей, в стадах ороков появились олени белой и серой масти (Роон, 1994: 135, 123). Данные по оленеводству ороков (транспортное, способ седлания и езды, доение, вольный выпас летом, содержание маток и телят на привязи, использование дымокуров и др.) (там же: 112–119), сближают орокское оленеводство с «орочонским» типом. То есть нельзя исключить потерю и повторное обретение оленеводства (возможно не однократную, со сменой породы), поэтому достоверно установить породу оленя, с которой ороки пришли на Сахалин, в настоящее время нельзя. При этом модель приручения северного оленя (Помишин, 1990: 40) исключает возможность domestikации иных пород оленя, кроме са-

янских (возражения в (Головнев, 2004: 78)). Поэтому можно лишь говорить, что к формированию существующей модели оленеводства у ороков, имели отношение и группы восточных эвенков, судя по терминам ПВМ оленя и календарю (см. ниже).

У ороков есть два названия дикого оленя *сиро* и *бују(н-)*. Последнее известно у восточных эвенков (Алд, З, Сх, Тнг, Урм, Учр, Чмк) в форме *бэјен*, и *бојун* у восточных эвенов (Ол, Алл, Арм, Б, М, Ох, П, Ск), с этимологией «дикий олень, зверь», т.е. объект охоты (*бэју* — охотиться на копытного зверя (ССТМЯ, I: 121, 122). *Сиро* сугубо орокское, с неизвестной этимологией. Название домашнего оленя *ул(а/я)* (Озолиня, 2013: 12), при *орон* (эвенки), *ора(а)н* (эвены), *оро* (орочи, нанайцы, удэгейцы), *ојон* (негидальцы) (ССТМЯ II: 24, 25).

Терминология. Предварим поиск исходного названия дикого и домашнего оленей у ороков, анализом названий дикого и домашнего северного оленя у этносов (или групп), возможно имевших отношение либо к первичному центру первоначальной domestikации северного оленя, либо же сыгравших роль посредников при заимствовании этой важнейшей отрасли производящего хозяйства. Первичные зоонимы обычно отражают какие-либо заметные отличительные особенности внешнего вида (цвет, размер), поведения в экстремальных (гон, отел) условиях или издаваемых характерных звуков (кукушка или «хорканье» самцов оленя во время гона). Поэтому возведение названия домашнего оленя (*ула/я*) у ороков к понятию река (*ул / уил*) (см. выше), по-видимому, нельзя соотнести корректно с конкретными гидронимами, топонимами или же особенностями рельефа или ландшафта (водоразделы рек). Это, не исключает обилия гидронимов, сложенных из названий конкретных рыб (карася, щук и др.), или топонимов, с названиями животных (Медведь гора, Лосиная падь, Моржовый мыс и т. д.).

Вариант появления названия домашнего животного, как деривата от выполняемой функции, например, выючной, допустим, хотя Ю. Янхунен считал сомнительным соотнесение орокского *ул(а/я)* с маньчжурским *ulha* «домашнее животное, скот» или с монгольским *ulaxa/n* (эстафетный конь) в силу неясных смысловых коннотаций с исходными прототипами (Янхунен, 2018: 14, 15]. *Ulay* — выючное животное, верховой конь (др.-тюрк.) по смыслу и огласовке могло быть источником орокского названия домашнего оленя, но не подходит, из-за несовместимости со сроками этногенеза ороков (Бурыкин, 2016: 271). Ю. Янхунен не исключал версию о возможной связи термина *орон* — домашний олень, с понятиями (*h)oron*, — «вершина горы, верхняя часть головы» или «свободное место» (Янхунен, 2018: 15). Для принятия этой версии, есть природные резоны, позволяющие выделить это понятие, в виде ли головы северного оленя или же верха (*horon*), последнее как локус обитания в биологически значимые периоды годового цикла. Это единственный вид оленей в Северной Азии, самки которых рогаты. Таежные олени летуют в гольцах, где нет кровососущих. Гон диких таежных оленей происходил тоже на гольцах, где легче сбивать самок в стадо и выслеживать конкурентов (Помишин, 1990: 112). В шаманской практике олень и лось всегда соотносились с Верхним миром, медведь — с Нижним (Василевич, 1969: 238).

По Г. Ф. Миллеру по «тунгусски» дикий олень — *schókdscho* (в форме *сogдѣ* (Тк) оно сохранялось до середины 20 в (Романова, Мыреева, 1968:141)). Домашний олень, — *орон*, причем только для оленей старше пяти лет. У «самоедов» дикий олень — *kédere*, домашний — *tʰa*. У юкагиров — дикий олень *légouf*, домашний — *aatsche* или *ilwe* (Миллер, 2009: 223, 228).

По Я. И. Линденау охотские ламуты разводили только собак, и оленя (дикого?) называли *орон*. Удские тунгусы называли дикого оленя *ирун* (независимо от пола), домашнего *орон* (Линденау, 1983: 59, 75, 83). У орочей домашний олень назывался *орон буху*, а также *ула* (ССТМЯ II: 25, 268). Смысл сочетания *орон буху*, как обозначение домашнего оленя, не объясним, с учетом *буху* — дикое копытное (ССТМЯ, I: 122), буквально это «дикое копытное верха». Если опираться, на эти достаточно скудные данные, термин *орон*, как обозначение домашнего оленя, по-видимому, не имел вначале однозначного соотнесения с домашним

оленем, являясь лишь обобщенным понятием «верха», как места, с которым связаны наиболее важные события биологического цикла оленя.

Орокское *сиро* (н) очень близко по огласовке (и смыслу) с *сиру* (название самца оленя у эвенков (А, Алд, Брг, З, Н, П-Т, Сх, Тк, Тнг, Урм, Учр) / *хиру* Аг, Д, Е, И / *ширу* П-Т, С, С-Б) в период гона. На это указывают дериваты, — названия периодов *сирула*(с/н)а (ни) — спаривания оленя, или же месяцев сентября — октября (с/ш/н)ирудян А, Алд, Брг, Н, П-Т, С (ССТМЯ, II: 96). Если допускать, что ороки (все или какая-то их группа) могли перенять оленеводство у группы амурских эвенков, сохранив термин *сиру* как название дикого оленя, то нельзя исключить, что *сиру* соотносился не просто с диким оленем, но именно с крупными самцами северного оленя, активными производителями, что обычно отвечает возрасту в 5–6 лет, в период гона, или перед ним. В связи с этим, становится ясным и уточнение Миллера Г. Ф. для термина *орон*, самец старше пяти лет (см. выше).

Ниже дана краткая сводка названий северного оленя у народов Сибири и Дальнего Востока. В корякском *ылвэыл* — дикий олень (Молл, 1960: 103). У «сидячих» коряков название дикого оленя *lugaki*, у оленных коряков *alügulu* или *karngugui*. Название домашнего оленя у коряков (х/к)оја́нга или *jawákul* (цит. по (Миллер, 2009: 229)). В чукотском *ылвылю* — дикий олень, домашний — *корангы* (Куликова, 2016: 22). У чуванцев олень *илвыл*(а/о) [Врангель, 1841: 125]. В обоих диалектах юкагирского дикий олень — *толоу*. В тундровом диалекте домашний олень — *иле* [Йохельсон, 2005: 464, 482]. У алеутов (беринговский диал.) олень — *улинах* (Головкин, 1994: 236). В языке эскимосов дикий северный олень *туңту*(-т) [Меновщиков, 1988: 113].

У тундровых ненцев название дикого оленя — *илебць'*(н) (однокоренное с лексемами стадо, богатство, жилище, *илебтесь* — оживить, оживлять), домашнего *ты* (Хомич, 1954: 82, 21). У таймырских нганасан домашний олень — *таа*, дикий — *бахи* (-би) (Костеркина, Момде, Жданова, 2001: 303, 21).

У хантов видовое название оленя *улы* / *вали*, с определителями (лесной = *вон*, *онт*, *ор* / домашний *хот*) образует названия дикого и домашнего. *Ут улы* — лесной дикий олень. *Хот улы* — домашний олень (сынский говор, шурышкарского диалекта) (Онина, 2002: 24).

У тазовских селькупов специальных названий дикого и домашнего оленя нет, они образуются сочетанием видового названия животного (*ətā*) с определителем «домашний» (*мот-кый*) vs «лесной» (*мачыль*), то есть дикий (Казакевич, Будянская, 2010: 71, 93, 228).

Названия дикого оленя в южносамодийских (мертвых) языках *meinde* (тайгинский, карагасский) и *kirmnässe* (моторском) (цит. по (Миллер, 2009: 230). По огласовке и смыслу, орокское *ул*(а/я) наиболее близко с названиями оленя *ули* у северных хантов (шурышкарский говор), с алеутским *улинах* и *иле* в тундровом диалекте юкагирского. Можно допускать существование общего названия северного оленя, в форме (ы,у,и)л(в/б)(э/е)л у коряков, юкагиров, чукчей, алеутов, чуванцев, тундровых ненцев с неизвестной этимологией (кроме ненецкого *илебць* (Хомич, 1954: 82, 21), которым обозначали как дикого оленя (чукчи), так и домашнего (чуванцы, тундровые юкагиры, коряки), и которое могло быть заимствовано (трансформировано) в форме *ул*(а/я), ороками или группой оленеводов, имевших в прошлом вероятные контакты с носителями этого термина, и затем слившихся с группой населения, получившего впоследствии название ороки.

Термины половозрастной маркировки (ПВМ) оленей у ороков по данным Роон Т. П.: новорожденный *сепо*, теленок до года, — *сондо*, олень самец 1–2 лет, — *апала*. Самка оленя 1–2 лет, — *саме*. Самец 2–3 лет, — *иктэнэ*, самка 2–3 лет, — *гулу*. Самец 3–4 лет, — *ноттоно*, 4–5 *хаматана*, самец 5–6 лет, *дубчи* (1994: 125). По данным Озолина Л. В. (2013: 12) олени до года — *сондо*, самец двухлетка — *сепо*, трехлетка — *апала*, четырехлетка — *иктэнэ*, пяти — шести лет *хаматана*. Самка до 3 лет *нами ула*, старше трех лет, — *нами*. По данным (Функ, Зенько, Силланпяя, 2000: 21) новорожденный олененок *сондо*, самцы до года *апала*, самки, — *сатэ*. Самцы 1–2 лет *итэнэ*, самки, — *нами*. Самцов и

самок 2–3 лет называли *дупти*. Второй информант назвал термином *сондо* новорожденных оленят независимо от пола, и помнил название самки до года, — *сачей*. Названия 1–2 леток, самцы *мулкан*, самки, — *гулу*. Олени 2–3 лет, — *иктэнэ* (самцы) и *нами* (самки). Олени 3–4 лет, *неркан*, 4–5 лет, — *ноттоно* (независимо от пола). Старше пяти лет, — *дупти*. То есть спустя 30 лет, информанты называли новорожденных оленей термином для годовалых телят, а годовалых телят, именовали как двухлеток, хотя название самцов (*апала*) сохранилось. Названия самок (*самэ* / *сачей*) в работе [Роон, 1994: 125] нет, но по огласовке и смыслу, термин можно соотнести с названием важенков *сачари* (до года) у эвенков (ССТМЯ II: 68). Также близки огласовки *сондо* (оленок сосунок (ССТМЯ II: 111) < *с(у/о)нкан* (П-Т, 3, Ткм, Урм), *шонкан* (П-Т, Ткм), — теленок (ССТМЯ II: 110).

Для возраста от 5 лет и выше была выявлена другая схема ПВМ самцов домашнего оленя. Олень-бык 5–6 лет *дубчи*, а исчисление возраста шло по схеме: *гедади* (*гедара*) *дубчи* — 6 лет. *Дуди* (*дурэ*) *дубчи* — 7 лет. *Илади* (*илалти*) *дубчи* — 8 лет. *Дина* (*дилтэ*) *дубчи* — 9 лет. *Тундалта* *дубчи* — 10 лет. *Нулултэ* *дубчи* — 11 лет. *Надалта* *дубчи* — 12 лет. *Закнулта* *дубчи* — 13 лет. *Хуюлта* *дубчи* -14 лет. *Золто* *дубчи* -15 лет [Роон, 1994: 125]. В более поздних (начало 21 в) работах информанты называли оленей — быков 5–7 лет одним термином *дупти* (*дуптикал*) [Функ, Зенько, Силланпяя, 2000: 21], а счет возраста более семи лет, им был неизвестен.

В связи с этим, представляет интерес система ПВМ домашних оленей, выявленная М. Г. Левиным в эвенском (Ол). Олень шестилетка — *župtasan*, семилетка — *gewri župtari*. Восьмилетний олень назывался *eliwri župtari* (“восьмилетник”), с учетом *elan* = три, при *дуптари* — “надевающий двойную одежду” (букв.), и *žapkan* — восемь. Олень девятилетка, — *digiwri župtari*, при *digən* — четыре (тогда как в обычном счете девять — *ujun*). *Tunḡawri župtari* — десятилетка, при *tunḡa* — пять. Олень четырнадцати лет — *ujuwri župtari* (при *ujun* — девять) (Левин, 1936: 29, 30, 34, 100), хотя при обычном счете числительные второго десятка формируются по схеме *мян хулекин омэн* — 11; *мян хулэкин дёр* — 12; *мян хулекин илан* — 13 («десять его остаток три») и т. д. (Шарина, 2013: 155). По данным А. А. Бурыкина схема имела вид: олень 6 лет — *дупти дуптари* (повторный). Олень 7 лет — *гяври дуптари* (второй повторный), 8 лет — *илаври дуптари*, 9 лет — *дыгэври дуптари* (четвертый повторный). Олень 10 лет — *тунгаври дуптари* (пятый повторный). Олень 11 лет — *нюнгэври дуптари* (шестой повторный) (цит. по (Решетов, 2004: 230)). В работе (Дуткин, 1986: 42) (эвены) *дупти* (*дуптисан*) — шестилетний олень самец. *Гяври дуптари*, букв. «вторым пребывающий» / в двойном возрасте олень самец. *Илаври дуптари* — девятилетка. *Тунгаври дуптари* — олень 10 лет. *Нунгэври дуптари* — олень 11 лет. В более поздних материалах (эвены) интервал использования этой схемы сократился, с 14 лет (Левин М. Г.) до 11 (Бурыкин А. А., Дуткин И. Х.).

Полагая систему терминов ПВМ северного оленя эвенков первичной, в силу её распространенности и универсализма (от негидальцев до долган, и от западных эвенков до ороков), то можно допустить, что во время миграций, с носителями особого «оленьего счета», ороки, встретились позже. Это довод в пользу версии Старцева А. Ф. о тесных контактах ороков и группы оленных эвенов Охотского побережья. Нарращивание счета по схеме 5 + n, *емганбагу тудалей* (пять-один), *емганбагу ялонь* (пять-три, и т. д.) (Врангель, 1841: 124, 125), известно у чуванцев, и, по-видимому, это возможный источник заимствования. Довод для этого, высокий уровень развития оленеводства (свидетельство чему, сотни оленей, регулярно угоняемых у них чукчами) [Гурвич, 1957: 248–256], и выводы работы [Василевич, Левин, 1951: 83] о чуванцах, как посредниках между тунгусскими группами и палеоазиатами (чукчи, коряки).

Календарная лексика. Календари ороков известны из работ (Петрова, 1937: 89; Озолина, 2001: 37; Подмаскин, 2011: 109; Сем и др., 2011: 23; Миссонова, 2013: 171–176). Подробный анализ лексики в рамках работы избыточен, отметим лишь самое важное. Все записи

соответствуют 12 месячному григорианскому календарю, кроме одной с 13 месяцами в работе (Сем, и др., 2011: 23). Сравним особенности орокского календаря, с календарями народов или этнических групп, которые могли повлиять на формирование ороков и их хозяйственного типа. Во-первых, это названия месяцев второй половины зимнего сезона. У нивхов, — это месяцы орла, вороны и трясогузки, которые (с вариациями) занимают места с января-февраля по март-апрель, и есть в календарях и материковых и островных нивхов (Вртанесян, 2017: 91–97). У ороков это месяцы *гуси* (февраль), *тува* (март), *кари* (апрель), из них только месяц *гуси* пояснялся как «орла». Месяц *тува* имел названия «вороны / грачей». *Кари* (*кэрэ*) пояснялся как месяц вороны, галки, сороки или утки-черноголовки (Петрова, 1937: 89; Озолиня, 2001: 37; Подмаскин, 2011: 109; Сем, 2011: 23; Миссонова, 2013: 171–176). В записи (Сем, 2011: 23) название апреля — *хум бени*, «когда гагары шумят (месяц)», скорее, островного происхождения, так как в календарях Приамурья (нанайцы, орочи, негидальцы, удэгейцы, ульчи, нивхи) нет месяцев с таким названием.

Солярный контекст в названиях месяцев, примыкающих к точкам равноденствий и солнцестояний, есть только в названиях декабря (*сагды* / *хагды* — старый, дряхлый (ССТМЯ, II: 53), как «старого» месяца, перед рождением «нового» солнца. Январь (*герау*, *гирав*), в форме *гиравун* известен с начала XVIII в. (удские тунгусы Линденау Я. И.) (Линденау, 1983: 80) и *гераон* (Миллер, 2009: 79)). У западных эвенков (илимпийские, катангские ербогаченские и др.) *гираун* январь (Василевич, 1969: 43) (записи первой пол. XX в.), то есть термин сохранял форму почти неизменной более 200 лет. *Гиравун* в джелтулакском говоре январь — февраль с пояснением «месяц перехода одного года в другой» (Болдырев и др., 2009: 71). Шаг прыжками — «гирамкин» (эвен. Ох) (ССТМЯ II: 154). *Гиркон илаани* февраль — начало сезона скрипящего наста, от *гиркон* — «шаг, поступь, походка» в эвенском (Ск) [ССТМЯ, II: 155). В говорах эвенкийского корневая часть **гир*- основа лексем со значением «ходьба, шаг, тропа» (ССТМЯ, II: 154). В орокском *герав* (*гиррав*, *гиррау*) *тувэ бени* название переходного периода между декабрем и январем (Озолиня, 2001: 66, 342). Что касается особой роли осеннего равноденствия, являющегося характерной чертой традиционных календарей нивхов и айнов (Вртанесян, 2017: 91–97), то в календарной лексике ороков оно не отразилось, — сентябрь и октябрь имели хозяйственные названия (Петрова, 1937: 89; Озолиня, 2001: 37; Подмаскин, 2011: 109; Сем, 2011: 23], что сближает их с календарями эвенков [Василевич, 1969: 45]. В названиях августа *нучи сироку бени* и сентября *дайджэ сироку бени*, отразилось, нарастание интенсивности гона оленей.

Характерная особенность всех записей — «рыболовные» названия летних месяцев (июль, август), что сближает их с орочами (июнь), ульчами (июль, август) и негидальцами (июнь, июль, сентябрь) [Симченко и др., 1993: 214–218]. Но в календарной лексике этих народов нет характерных названий января (*гирау бени*), известное в календарях амурских эвенков (Болдырев и др., 2009: 71; Болдырев и др., 2013: 161), что можно считать признаком их долгих контактов, и появлением специфического названия января у ороков.

Космогония. *Хадау* (культурный герой и стрелок в лишние Солнца) южнотунгусского пантеона, в текстах второй пол. XX в. не фиксируется. Фольклор сохранил редкий сюжет о появлении Млечного пути, как осколков двух больших звезд (светил?), раздавленных лыжами *Саңгимата мэргэ*. На их месте остались два созвездия, Большая и Малая Медведицы (Архив Озолиня, текст № 49). Этимология имени белого небесного богатыря *Сангимата*, можно возвести к *саңге* — «покрываться инеем» (Озолиня, 2001: 292)). Упоминание Млечного пути с началом зимнего сезона в условиях Сахалина ожидаемо, при резком повышении прозрачности атмосферы с вымораживанием избыточной влаги. В архивах Новиковой К. А. и Озолиня Л. В. нет названия Млечного Пути, как «лыжни охотника за лосем» (Подмаскин, 2004: 96), или *Одо Хоктони* — «дедушкина дорога» или «путь героя *Удзига*» (Подмаскин, 2011: 107).

Отсутствие божества *Ма'ин* в мифологии ороков (Косарев, 2009: 17–18), нельзя, по видимому, считать достаточным аргументом в пользу отсутствия значимых культурных контактов с эвенками. *Ма'ин* в говорах амурских эвенков 1. Неудача на охоте. 2. Дух — покровитель охоты. 3. Дух — хозяин верхнего мира. 4. Хранитель душ людей и животных, ниспосылающий удачу на охоте (селемджинский говор) (Болдырев, Быкова, Соловьева, 2013: 460). У западных эвенков (Брг, П-Т, Е, З, Нрч, У) это дух — хозяин Верхнего мира, покровитель охоты, охотничье счастье и др. (ССТМЯ, 1975: 521). Его коннотация с охотничьей удачей и комплексом соответствующих понятий, должна предполагать связь этого образа, в первую очередь с зимой, как основным охотничьим сезоном. Близкая огласовка и смысл терминов, позволяет считать, что они входят в одно семантическое поле, что не исключает амбивалентности этих образов. *Манга Мэргэ* (сильный богатырь) есть в тексте № 19 (архив Новиковой К. А.), но никаких ясных коннотаций с высшими силами в этом образе нет, хотя не исключено их бытование в прошлом.

Популяционная генетика. Автору известна лишь одна работа по исследованию мтДНК ороков, причем не указано ни место, ни анализируемая субэтническая группа (род) (Бермишева и др., 2005: 78–82), что существенно снижает информативность этих данных. Распределение гаплогрупп (ГГ): С (11,5 %), D (68,9 %), М* (13,1 %), Y (4,9 %) и N, R* (1,6 %). По основной ГГ D, ороки близки к сойотам (50 %), материковым нивхам (28,1 %), бурятам (25 %), монголам (24,3 %), эвенкам (19,4 %) и тувинцам (13,9 %) [Деренко и др., 2001:1406]. ГГ С имеющая у эвенков высокую частотность (84,3 %), составляет у ороков лишь 11,5 %, тогда как у тувинцев 36,1 %, бурятов 20 %, монголов 24,3 %, удэгейцев 17,8 %, эвенов (15,9 %), ительменов 14,9 % (Бермишева, 2005: 81, табл.2). Данные мтДНК некоторых народов Северной Азии есть в работе (Стариковская, 1999: 69, 70). «Тунгусская» ГГ С (эвенки 80–84 %, юкагиры 66 %, тофалары 61 %, тувинцы 36,1–43 %, буряты 20 %), у ороков, ульчей, удэгейцев, негидальцев имеет частотности в пределах 11,5–17,4 %. То есть участие эвенкиек в формировании мтДНК ороков (женского генофонда) было минимальным. Кроме того, этот вклад, мог быть сделан и опосредованно, например, например, через охотских эвенов (частотность ГГ С = 33 %), тем более, что у эвенов достаточно высока частотность «орокской» ГГ D = 41,7 %, — указание на возможные общие корни или же более поздние длительные контакты. К сожалению, нет сведений по генетике орочей (как мтДНК, так и мужской Y). Заметим, что приведенные данные имеют в большей степени оценочный характер, и вот почему. Например, частотность ГГ С3с мужской (Y) ДНК у верховых негидальцев равна 100 % (опережая даже эвенков с 62–83 %), тогда как у низовых, она составляет всего 20 %. При этом у нивхов она достигает 66,1 % (Федорова, 2010: прил. 2). Второе — частотность мтДНК ГГ А у разных групп коряков составляет 3,6 % и 20,9 % соответственно [Федорова, 2010: прил. 3].

Можно говорить об исходном близком родстве ороков, в первую очередь с народами, имеющими отношение к Саяно-Алтаю (западные буряты, сойоты, тувинцы), причем сойоты (карагасы) сохраняли ещё в XX в. саянский тип оленеводства и соответствующую породу оленей (Керцелли, 1925: 87–92]. Подтвержден длительный контакт ороков, с охотскими эвенками (высокие значения ГГ D и особый способ счета возраста оленей).

Выводы. Приведенный материал позволяет несколько детализировать картину генезиса ороков. Этническая тунгусоязычная группа, известная на острове Сахалин с конца XVII в., практикующая транспортное оленеводство, в сочетании с прибрежным рыболовством, состояла из субэтносов (в т.ч. негидальского, ульчского и др. происхождения). Генезис ороков имел прямое отношение к Саяно-Алтаю, на это указывают, в первую очередь, данные популяционной генетики (мт ДНК). По частотности основной гаплогруппы D, наиболее близки к ним таежные оленеводы сойоты, западные буряты, монголы и материковые нивхи. Достоверно их долгое соседство с негидальцами, ульчами, материковыми нивхами (Приамурье), и оленными эвенками, где-то на побережье Охотского моря. Есть и явные следы контактов с

амурскими эвенками (календарная лексика и термины ПВМ северного оленя), которые почти не отразились на структуре мт ДНК. Если название дикого северного оленя у ороков имеет тунгусские корни, то название домашнего оленя близко по огласовке с названием северного оленя в хантыйском, юкагирском и алеутском.

Пока что, прослеживаются явные следы двух продолжительных остановок, — на Нижнем Амуре, в соседстве с материковыми нивхами, негидальцами и ульчами (названия летних месяцев календаря, и близкий набор мт ДНК, — С, D, Y, M) и с оленными эвенками (особый «оленный счет», высокая частотность гаплогруппы D = 37,8 %) на берегу Охотского моря. Неясным остается время и место их контактов с амурскими эвенками (общее названия января, и термины ПВМ).

Список сокращений:

Абревиатуры эвенкийских (Алд, Брг, Е, З, Нрч, П-Т, Сх, Тк, Тнг, У, Урм, Учр, Чмк) и эвенских (Ол, Алл, Арм, Б, М, Ол, Ох, П, Ск) говоров приводятся по (ССТМЯ I: XXIV).

Литература:

- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.** Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Бермишева М. А., Кутуев И. А., Спицын В. А., Виллемс Р., Батырова А. З., Коршунова Т. Ю., Хуснутдинова Э. К.** Анализ изменчивости мт ДНК в популяции ороков // Генетика. 2005. Т. 41. № 1. С. 78–84.
- Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Варламова Г. И., Андреева Т. Е., Мальчакитова Р. Е.** Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области. Благовещенск. Изд. БГПУ. 2009.
- Болдырев Б. В.** Словарь зейского говора эвенков Амурской области. Благовещенск. Изд. БГПУ. 2010.
- Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Соловьева Л. А.** Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области. Ч. 1. Благовещенск. Изд. БГПУ. 2013.
- Бурыкин А. А.** Рецензия на книгу А. Ф. Старцева «Ороки орочёны, а не ульта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина» // Россия и АТР. 2016. Вып.1(91). С. 269–278.
- Василевич Г. М.** Эвенки. Л. Наука. 1969.
- Василевич Г. М.** Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск. 1972. С. 183–238.
- Васильев Б. А.** Основные черты этнографии ороков. Предв. отчет по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография. 1929. № 1. С. 3–22.
- Врангель Ф.** Прибавление к путешествию по Северным берегам Сибири и ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 гг. Изд. Императ. Академии Наук. СПб. Типография Бородина и К. 1841.
- Вртанесян Г. С., Озолина Л. В.** Медвежий праздник ороков — ульта. Общее и особенное // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 15–22.
- Вртанесян Г. С.** Некоторые особенности структуры нивхских календарей // «Фольклор палеоазиатских народов», г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г. Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. С. 91–97.
- Головко Е. В.** Словарь алеутско-русский и русско-алеутский. Просвещение. СПб. 1994.
- Головнев А. В.** Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург. УрО РАН. 2004.
- Гурвич И. С.** Юкагиры чуванского рода. Тр. Института Этнографии. Т. 35. Сибирский этнографический сборник. II. М.-Л. 1957. С. 246–262.
- Гурвич И. С.** Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. Наука.
- Деренко М. В., Денисова Г. А., Маларчук Б. А., Дамбуева И. К., Лузина Ф. А., Лотош Е. А., Дорту Ч. М., Карамчакова О. Н., Соловечук Л. Л., Захаров И. А.** Структура генофондов этнических групп Алтае-Саянского нагорья по данным о полиморфизме мт ДНК // Генетика. 2001. Т. 37. № 10. С. 1402–1410.
- Динесман Л. Г., Киселева Н. К., Князев А. В.** История степных экосистем Монгольской Народной Республики. М., 1989.
- Дуткин И. Х.** Термины оленеводства в эвенском языке // Актуальные вопросы языков народов Севера. Якутск. 1986. С. 36–58.
- Йохельсон В. И.** Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск. Наука. 2005.

- Казакевич О. А., Будянская Е. М.** Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Издательство «Баско». Екатеринбург. 2010.
- Керцелли С. В.** Карагасский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. 1925. № 3. С. 87–92.
- Косарев В. Д.** Ороки (ульта) в этногенетике тунгусоязычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными // Культурное наследие народов Дальнего Востока России Сахалинской области. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. обл. краевед. музей. 2009. С. 17–31.
- Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.** Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб. Филиал изд-ва «Просвещение», 2001.
- Крейнович Е. А.** Нивхгу. М. 1973. Наука.
- Левин М. Г.** Краткий эвенско-русский словарь. Учпедгиз. М.-Л. 1936.
- Линденау Я. И.** Описание народов Сибири. Магадан. Кн. изд-во. 1983.
- Миллер Г. Ф.** Описание сибирских народов. Памятники исторической мысли. М. 2009.
- Миссонова Л. И.** Этнонимия улты Сахалина // Имя и этнос М. 1996. С. 51–56.
- Миссонова Л. И.** Основные проблемы изучения уйльта в контексте истории народов Сахалина // Краеведческий бюллетень. 2005. № 4. С. 166–194.
- Молл Т. А.** Корякско-русский словарь. Учпедгиз. Л. 1960.
- Мудрак О. А.** Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М. Языки русской культуры. 2000. 288 с.
- Озолия Л. В.** Орокско-русский словарь. Новосибирск. 2001. Изд. СО РАН.
- Озолия Л. В.** Грамматика орокского языка. Новосибирск. Академическое издание ГЕО. 2013.
- Онина С. В.** Оленеводческая лексика в хантыйском языке. Дисс...канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2002.
- Певнов А. М.** Этимология самоназвания ороков // Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Том. XIII, ч. 3. СПб, Наука, 2017. С. 886–681.
- Петрова Т. И.** Язык ороков (ульта). Л. Наука, 1967.
- Петрова Т. И.** Временисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Памяти Богораза В.Г. Сб. статей. М.-Л. 1937. С. 79–120.
- Пилсудский Б.** Аборигены о. Сахалина // Живая старина, Вып. II-III. СПб, 1909. С. 1–14.
- Помишин С. Б.** Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. М.: Наука, 1990.
- Роон Т. П.** Традиционная система оленеводства улты // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3. С. 101–140.
- Сем Ю. А., Сем Л. И., Сем Т. Ю.** Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь: этнографические исследования // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14.
- Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П.** Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., Наука. С. 201–253.
- Смоляк А. В.** К вопросу о происхождении ороков // Краткие сообщения Института этнографии. М.: Изд-во АН СССР. Т. XXI. 1954. С. 33–38.
- Смоляк А. В.** Южные ороки // Советская этнография. 1965. № 1. С. 28–42.
- Смоляк А. В.** О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. Наука. М. 1975. С. 43–77.
- Сравнительный словарь тунгусохманьчжурских языков (ССТМЯ). М-лы к этимологическому словарю. Т. I–II. Л.: Наука. 1975–1977.
- Стариковская Е. Б.** Изменчивость мт ДНК коренных жителей Чукотки в связи с генетической историей древней Берингии: дисс ... канд. биол. наук: Новосибирск, 1999.
- Старцев А. Ф.** Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука. 2015.
- Сыроечковский Е. Е.** Северный олень. Агропромиздат Год: 1986.
- Таксами Ч. М.** Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого Океана. М: Наука. 1968. Вып. VI. С. 29–43. Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск. Изд-во ЯНЦ СО РАН. 2008.
- Функ Д. А., Зенько А. П., Силланпяя Л.** Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы улты // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–30.
- Хомич Л. В.** Ненецко-русский словарь. Учпедгиз, ЛО. 1954.
- Шарина С. И.** Некоторые особенности языка усть — аянских эвенов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 153–157.
- Шренк Л. И.** Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб, 1883.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. СПб: Изд. Императорской Академии наук, 1899.

Янхунен Ю. Об этнонимах ороки и урянхай (uryangkhai) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 11–23.

Вртанесян Гарегин Суменович, кандидат технических наук, научный консультант.

Российский государственный гуманитарный университет, Центр изучения религий.

Пл. Миусская, д. 6, г. Москва, 125047.

E-mail: veges2011@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21 ноября 2020 г.

G. S. Vrtanesjan

OROK OR ULTA: NOTES TO THE ETHNONYM AND ETHNOGENESIS

Oroks are residents of Sakhalin who speak one of the Tungus-Manchu languages (southern group), close to Ulchi and Nanai. Since the end of the 16th century, they have inhabited Sakhalin, practicing transport reindeer husbandry, combined with hunting, fishing and hunting of sea animals. The purpose of this work is to analyze some facts that were out of the field of view of their predecessors. This is a special account of the age of deer, which brings them closer to the Eastern evens, a calendar structure that has analogies with the calendars of the Amur Evenks (the name of January), and with the calendars of the Orochi, Ulchi and Negidals (the names of the summer months). Mosaic Oroks (subethnoses), along with the peculiarities of the island's natural conditions and long-term isolation, provided the uniqueness of cosmogonic representations, Pantheon, basic rituals (summer bear festival, etc.). The existence of the name of the reindeer, in the form *(I, u, e)l(v/b) (э/е)л in Koryaks, Yukagirs, Chukchis, Aleuts, Chuvans, Northern Khants, tundra Nenets with unknown etymology (except for the Nenets tundra *ilebts* — a means to life). The name of the wild deer *siro* can be associated with the preparation for the rut (stripping the horns of *sirki* / *sitche*) of adult male wild deer. The name of the domestic deer (*ula* / *ylja*) among the Oroks, previously raised to the concept of river (*ul* / *uil*), close to the Aleutian *ulinakh*, North Khanty *uli* and *Il* in the tundra dialect of Yukagir, could be borrowed by the Oroks directly, or through an intermediate contact group. Data from population genetics make them related to the ethnic groups of the Sayano-Altai (tuvians-todzhins, tofalars, etc.) who still practice hunting, gathering, and nomadic transport reindeer husbandry. The approximately close (and low) frequency level of Tungusian haplogroup C in Oroks, Ulchi, Udege, and Negidals (frequency within 11.5–17.4%) seems to indicate a small participation of Evenki in the formation of mt DNA of Oroks (female gene pool).

Keywords: *Oroks, ethnogenesis, Sakhalin, reindeer, Sayano-Altai, Chuvans, evens, “deer” account, haplogroups.*

References:

- Avrorin V. A., Lebedeva E. P.** Orochskie teksty` i slovar` [Oroch texts and dictionary]. Leningrad. Nauka. 1978. (in Russian).
- Bermisheva M. A., Kutuev I. A., Spicyn V. A., VILLEMS R., Baty`rova A. Z., Korshunova T. Yu., Xusnutdinova E. K.** Analiz izmenchivosti mt DNK v populyacii orokov [Analysis of mt DNA variability in the Orok population] // Genetika. 2005. T. 41. № 1. S. 78–84. (in Russian).
- Boldy`rev B. V.** Slovar` zejskogo govora e`venkov Amurskoj oblasti [Dictionary of the Zey dialect of the Evenks of the Amur region]. Blagoveshhensk. Izd. BGPU. 2010. (in Russian).
- Boldy`rev B. V., By`kova G. V., Solov`eva L. A.** Slovar` selemdzhinskogo govora e`venkov Amurskoj oblasti [Dictionary of the selemdzhinsky dialect of the Evenks of the Amur region]. Ch.1. Blagoveshhensk. Izd. BGPU. 2013. (in Russian).
- Boldy`rev B. V., By`kova G. V., Varlamova G. I., Andreeva T. E., Mal`chakitova R. E.** Slovar` dzheltulakskogo govora e`venkov Amurskoj oblasti [Dictionary of the dzheltulak dialect of the Evenks of the Amur region]. Blagoveshhensk. Izd. BGPU. 2009. (in Russian).

- Bury`kin A. A.** Recenziya na knigu A.F. Starceva «Oroki orochyony`, a ne ujl`ta! K probleme e`tnogeneza orokov Saxalina» [Oroki orocheny, not uyl'ta! On the problem of ethnogenesis of the Sakhalin Oroks] // Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]. 2016. Vy`p.1 (91). S. 269–278 (in Russian).
- Derenko M. V., Denisova G. A., Malarchuk B. A., Dambueva I. K., Luzina F. A., Lotosh E. A., Dortu Ch. M., Karamchakova O. N., Solovenchuk L. L., Zaxarov I. A.** Struktura genofondov e`tnicheskix grupp Altae-Sayanskogo nagor`ya po dannym o polimorfizme mt DNK [Structure of gene pools of ethnic groups of the Altai-Sayan highlands according to MT DNA polymorphism data] // Genetika. 2001. T.37. № 10. S. 1402–1410. (in Russian).
- Dinesman L. G., Kiseleva N. K., Knyazev A. V.** Istoriya stepny`x e`kosistem Mongol'skoj Narodnoj Respubliki [History of steppe ecosystems of the Mongolian people's Republic]. Moskva.1989. (in Russian).
- Dutkin I. Kh.** Terminy olenevodstva v evenskom yazyke [Terms of reindeer husbandry in the even language] //Aktualnye voprosy yazykov narodov Severa [Topical issues of the languages of the peoples of the North].Yakutsk.1986. S. 36–58.
- Irikov S. I.** Slovar` sel'kupsko-russkij i russko-sel'kupskij [dictionary of Selkup-Russian and Russian-Selkup]. Leningrad: Prosveshhenie. 1988. (in Russian).
- Fedorova S. A.** Geneticheskie portrety` narodov Respubliki Saxa (Yakutiya): analiz linij mitoxondrial'noj DNK i Y-xromosomy` [Genetic portraits of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia): analysis of mitochondrial DNA and Y-chromosome lines]. Yakutsk. Izd — vo YaNCz SO RAN. 2008. (in Russian).
- Funk D. A., Zen'ko A. P., Sillanpyaya L.** Materialy` po sovremennoj kul'ture i social'no-e`konomicheskomu polozheniyu severnoj gruppy` ul'ta [materials on the modern culture and socio-economic status of the Northern group Ul'ta] // E`tnograficheskoe obozrenie [The ethnographic review]. 2000. № 3. S. 14–30. (in Russian).
- Golovko E. V.** Slovar` aleutsko-russkij i russko-aleutskij [Aleutian Russian and Russian-Aleutian dictionary]. Prosveshhenie. SPb. 1994. (in Russian).
- Golovnev A. V.** Kochevniki tundry`. Nency i ix fol'klor [Nomads of the tundra. Nenets and their folklore]. Ekaterinburg. UrO RAN. 2004. (in Russian).
- Gurvich I. S.** E`tnicheskaya istoriya severo-vostoka Sibiri [Ethnic history of the North-East of Siberia]. Moskva, 1966. Nauka. (in Russian).
- Gurvich I. S.** Yukagiry` chuvanskogo roda [Yukagirs of the Chuvan family] // Tr. Instituta E`tnografii. T.35. Sibirskij e`tnograficheskij sbornik. II. [Proceed. of The Institute of Ethnography. Vol. 35. Siberian ethnographic collection. II]. M.-L. 1957. S. 246–262. (in Russian).
- Joxel'son V. I.** Yukagiry` i yukagirizovanny`e tungusy [the Yukaghir and the Yukaghirized Tungus]. Novosibirsk. Nauka. 2005. (in Russian).
- Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M.** Dialektologicheskij slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie) [Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect)]. Ekaterinburg. Izdatel'stvo "Basko". 2010. (in Selkup-Russian).
- Kercelli S. V.** Karagasskij olen` i ego xozyajstvennoe znachenie [Karagas deer and its economic value] // Severnaya Aziya [Northern Asia]. 1925. № 3. S. 87–92. (in Russian).
- Kosarev V. D.** Oroki (ul'ta) v e`tnogenetike tungusoyazy`chny`x narodov Priamur'ya: zadacha so mnogimi neizvestny`mi [Oroki (Ul'ta) in ethnogenetics of the Tungusic-speaking peoples of the Amur region: a problem with many unknowns] // Kul'turnoe nasledie narodov Dal'nego Vostoka Rossii Saxalinskoj oblasti. Ujl'ta. E`venki. [Cultural heritage of the peoples of the Far East of Russia in the Sakhalin region. The Uilta. Evenks]. Yuzhno-Saxalinsk: Saxalinskij gos. obl. kraeved. muzej. 2009. S. 17–31. (in Russian).
- Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu.** Slovar` nganasansko-russkij i russko-nganasanskij [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary]. Sankt Peterburg. Filial izd-va "Prosveshhenie". 2001. (in Nganasan-Russian).
- Krejnovich E. A.** Nivxgu [Nivkhgu]. Moskva. 1973. Nauka. (in Russian).
- Levin M. G.** Kratkij e`vensko-russkij slovar` [a Brief Even-Russian dictionary]. Uchpedgiz. M-L. 1936. (in Russian).
- Lindenau Ya. I.** Opisanie narodov Sibiri [Description of the peoples of Siberia]. Magadan. Kn. izd-vo. 1983. (in Russian).
- Miller G. F.** Opisanie sibirskih narodov [Description of the Siberian peoples]. Pamyatniki istoricheskoy mysli. M. 2009. (in Russian).
- Missonova L. I.** E`tnonimiya ul'ta Saxalina [ethnic terms Ul'ta Sakhalin] // Imya i e`tnos [Name and ethnos]. Moskva. 1996. S. 51–56. (in Russian).
- Missonova L. I.** Osnovnye problemy izucheniya ujl'ta v kontekste istorii narodov Sahalina [Main problems of studying the uilta in the context of the history of the peoples of Sakhalin] // Kraevedcheskij byulleten' [local history Bulletin]. 2005. № 4. S. 166–194. (in Russian).
- Moll T. A.** Koryaksko russkij slovar` [Koryak-Russian dictionary]. Uchpedgiz. L. 1960. (in Koryak-Russian).

- Onina S. V.** Olenevodcheskaya leksika v xanty`jskom yazy`ke [reindeer-Breeding vocabulary in the Khanty language]. Diss...kand. filol. nauk. Joshkar-Ola. 2002. (in Russian).
- Ozolinya L. V.** Grammatika orokskogo yazy`ka [Grammar of the Oroks language]. Novosibirsk. Akademicheskoe izdanie GEO. 2013. (in Russian).
- Ozolinya L. V.** Orokso-russkij slovar` [Orok-Russian dictionary]. Novosibirsk. 2001. Izd. SO RAN. (in Orok-Russian).
- Petrova T. I.** Vremyaischislenie u tunguso-man`chzhurskix narodnostej [Time scale of the tunguso-Manchu peoples] // Pamyati Bogoraza V. G. Sb. Statej [In memory of Bogoraz V. G. Collection of articles]. Moskva–Leningrad. 1937. S. 79–120. (in Russian).
- Petrova T. I.** Yazy`k orokov (ul`ta) [language of the Oroks (Uilta)]. Leningrad. Nauka, 1967. (in Russian).
- Pevnov A. M.** E`timologiya samonazvaniya orokov [Etymology of the self-name of the Oroks] // Acta linguistica Petropolitana. Trudy` instituta lingvisticheskix issledovanij [Acta linguistica petrovitana. Proceedings of the Institute of linguistic research]. Tom. XIII, ch. 3. Sankt Peterburg. Nauka, 2017. S. 886–681. (in Russian).
- Pilsudskij B.** Aborigeny` o. Saxalina [Natives of Sakhalin island] // Zhivaya starina [Living antiquity], Vy`p. II–III. Sankt Peterburg, 1909. S. 1–14. (in Russian).
- Pomishin S. B.** Proisxozhdenie olenevodstva i domestikaciya severnogo olenya [Origin of reindeer breeding and domestication of the reindeer]. Moskva: Nauka, 1990. (in Russian).
- Roon T. P.** Tradicionnaya sistema olenevodstva ul`ta [Traditional system of reindeer breeding Uilta] // Kraevedcheskij byulleten` [Local history Bulletin.]. 1994. № 3. S. 101–140. (in Russian).
- Sem Yu. A., Sem L. I., Sem T. Yu.** Materialy` po tradicijnoj kul`ture, fol`kloru i yazy`ku orokov. Dialektologicheskij orokso-russkij slovar`: e`tnograficheskie issledovaniya [Materials on the traditional culture, folklore and language orokov. Dialectological Oroks-Russian dictionary: ethnographic research] // Trudy` IIAE` DVO RAN [Proceedings of the IIAE FEB RAS]. Vladivostok: Dal`nauka, 2011. T. 14. 157 s. (in Russian).
- Sharina S. I.** Nekotoryye osobennosti yazyka ust-ayanskikh evenov [Some features of the language of the Ust-Ayan evens] // Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke [Humanities research in Eastern Siberia and the far East.]. 2013. № 6 (26). S. 153–157.
- Shrenk L. I.** Ob inorodczax Amurskogo kraja [About the foreign peoples of the Amur region]. T. 1, Sankt Peterburg, Izd. Imperatorskoj Akademii nauk 1883. (in Russian).
- Shrenk L. I.** Ob inorodczax Amurskogo kraja [About the foreign peoples of the Amur region]. T. 2. Sankt Peterburg: Izd. Imperatorskoj Akademii nauk, 1899. (in Russian). Yanxunen Yu. Ob e`tnonimax oroki i uryanxaj (uryangkhai) [About the ethnonyms Oroki and uryankhai (uryangkhai)] // Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]. 2018. № 4. S. 11–23. (in Russian)
- Simchenko Yu. B., Smolyak A. V., Sokolova Z. P.** Kalendar narodov Sibiri [Calendars of the peoples of Siberia] // Kalendar` v kul`ture narodov mira [Calendar in the culture of the peoples of the world]. Moskva: Nauka. S. 201–253. (in Russian).
- Smolyak A. V.** K voprosu o proisxozhdenii orokov [On the question of the origin of the Oroks] // Kratkie soobshheniya Instituta e`tnografii [Brief reports Of the Institute of Ethnography]. Moskva. T. XXI. 1954. S. 33–38. (in Russian).
- Smolyak A. V.** O vzaimny`x kul`turny`x vliyaniyax narodov Saxalina i nekotory`x problemax e`tnogeneza [on mutual cultural influences of the Sakhalin peoples and some problems of ethnogenesis] // E`tnogenez i e`tnicheskaya istoriya narodov Severa [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]. Nauka. Moskva. 1975. S. 43–77. (in Russian).
- Smolyak A. V.** Yuzhny`e oroki [Southern Oroks] // Sovetskaya e`tnografiya [Soviet Ethnography]. 1965. № 1. S. 28–42. (in Russian).
- Sravnitel`ny`j slovar` tunguso-man`chzhurskix yazy`kov (SSTMJa). M-ly` k e`timologicheskomu slovarju [Comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages. Materials to the etymological dictionary]. T. I–II. 1975–1977. Leningrad. Nauka. (in Russian).
- Starcev A. F.** Oroki — orochyony`, a ne ujl`ta! K probleme e`tnogeneza orokov Saxalina [Oroki — orocheny, not uylta! On the problem of ethnogenesis of the Oroks of Sakhalin]. Vladivostok: Dal`nauka. 2015. (in Russian).
- Starikovskaya E. B.** Izmenchivost` mt DNK korenny`x zhitelej Chukotki v svyazi s geneticheskoy istoriej drevnej Beringii [Variability of MT DNA of the indigenous inhabitants of Chukotka in connection with the genetic history of ancient Beringia]: diss ... kand. biolog. nauk: Novosibirsk, 1999. (in Russian).
- Sy`roechkovskij E. E.** Severny`j olen` [Northern deer]. Moskva: Agropromizdat. 1986. (in Russian).
- Taksami Ch. M.** Tungusskie narody` na Saxaline [Tungus peoples on Sakhalin] // Strany` i narody` Vostoka: Strany` i narody` bassejna Tixogo Okeana [Countries and peoples of the East: Countries and peoples of the Pacific ocean basin]. Moskva: Nauka. 1968. Vy`p. VI. S. 29–43. (in Russian).

Vasil'ev B. A. Osnovny'e cherty' e'tnografii orokov. Predvaritel'ny'j otchet po materialam e'kspedicii [Main features of Oroch Ethnography. Preliminary report on the materials of the 1928 expedition] 1928 g. // E'tnografiya. 1929. № 1. S. 3–22. (in Russian).

Vasilevich G. M. E'venki [Evenki]. Leningrad. Nauka. 1969. (in Russian).

Vasilevich G. M. Zaselenie tungusami tajgi i lesotundry mezhdu Lenoi i Eniseem [Tungus settlement of the taiga and forest tundra between the Lena and Yenisei] // Voprosy' yazy'ka i fol'klora narodnostej Severa [Questions of the language and folklore of the peoples of the North.]. Yakutsk. 1972. S. 183–238. (in Russian).

Vrangel' F. Pribavlenie k puteshestviyu po Severny'm beregam Sibiri i ledovitomu moryu, sovershenному v 1820, 1821, 1822, 1823, i 1824 gg. [An addition to the journey along the Northern coasts of Siberia and the Arctic sea, made in 1820, 1821, 1822, 1823, and 1824]. Izd. Imperat. Akademii Nauk. SPb. Tipografiya Borodina i K. 1841. (in Russian).

Vrtanesyan G. S. Nekotory'e osobennosti struktury nivxskix kalendarej [Some features of the structure of Nivkh calendars] // «Fol'klor paleoaziatskix narodov» [Folklore of Paleoasiatic peoples]. Yakutsk, 21–25 noyabrya 2016 g. Yakutsk: RIO media-xoldinga, 2017. S. 91–97. (in Russian).

Vrtanesyan G. S., Ozolinya L. V. Medvezhij prazdnik orokov-ujl'ta. Obshee i osobennoe [Bear festival of the Oroks-Uilta. General and special] // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian philological journal]. 2015. № 4. S. 15–22. (in Russian).

Xomich L. V. Neneczko-russkij slovar' [Nenets-Russian dictionary]. Uchpedgiz, Leningrad. 1954. (in Russian).

Vrtanesjan Garegin Surenovich, candidate of technical sciences, scientific consultant.

Russian state University for the Humanities, Center for studies of religions.

6 Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125047.

E-mail: veges2011@yandex.ru